Н. В. Кузнецова

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ПОСЛЕЛОГОВ В ЯЗЫКЕ ГУРО (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)¹

Институт лингвистических исследований РАН,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

В статье представлены предварительные результаты изучения тональной морфологии и синтаксиса послелогов гуро. Перечисляются основные морфонологические и синтаксические параметры, позволяющие описать послелог как часть речи в гуро. Представлено исчисление синтаксических позиций, в которых употребляются послелог, а также омонимичные им локативные имена, наречия и превербы. Применительно к каждой позиции обсуждаются критерии разграничения всех указанных омонимичных частей речи с локативным значением. Намечены также некоторые новые направления исследования проблем частеречной омонимии на материале глагольной номинализации и относительных предложений.

Вопросы тональной морфологии послелогов ранее не обсуждались применительно к языкам манде. Однако в гуро, как выяснилось, многие послелог обладают нетривиальными морфонологическими тональными чередованиями, не уступающими по сложности именной системе. Наличие чередований и их конкретный характер обусловлены не только фонетическим и фонологическим контекстом, но и тонкостями семантики послелогов и послеложных групп. Тональные чередования оказываются связаны с факторами референтности, степени идиоматичности, наличия посессивной vs атрибутивной связи в синтагме. Библиогр. 12 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: южные манде, гуро, послелог, синтаксис, тональная морфология.

MORPHOLOGY AND SYNTAX OF POSTPOSITIONS IN GURO (PRELIMINARY REMARKS)

N. V. Kuznetsova

Institute for Linguistic Studies RAS,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation

The paper presents the preliminary study on the tonal morphology and the syntax of postpositions in Guro. I distinguish the main morphological and syntactic parameters relevant for the description of this part of speech. The description lists the syntactic contexts where postpositions, as well as homonymic locative nouns, adverbs and preverbs, can occur. For each syntactic context, I discuss the criteria that enable us to distinguish between all these homonymic parts of speech. Among other things, I outline new directions for the study of this problem of homonymy using the data on verbal nominalization and relative clauses.

The tonal morphology of postpositions has never been discussed on Mande material. However, Guro postpositions manifest non-trivial and complex tonal alternations. The presence of these alternations and their specific character depend not only on the phonetic and phonological context, but also on the semantic features. Tonal alternations can indicate the reference shift, the level of idiomatichity of the phrase, as well as the attributive (vs possessive) relations between the constituents of the phrase. Refs 12. Table 1.

Keywords: south Mande, Guro, postpositions, syntax, tonal morphology.

Введение

Язык гуро является одним из языков южной группы манде (нигеро-конголезская макросемья), на котором говорят в центральной части Кот-д'Ивуара. В языке представлено пять фонологических тоном: три уровневых (высокая, средняя, низ-

¹ Выражаю огромную признательность моим информантам Дже Би Заули Дезире Этьену и Юан Би Ирие Юберу, без помощи которых данное исследование было бы невозможным.

кая) и две контурных (восходящая и нисходящая). Каждая тонаема реализуется на отдельном слоге.

Как и другие языки манде, гуро имеет фиксированный порядок слов SOVX: подлежащее (S) — прямое дополнение (O) — сказуемое (V) — косвенное дополнение (X). Косвенное дополнение часто выражено группой с послелогом.

Послелого языка гуро не составляют однородной группы — как по морфологическим, так и по синтаксическим параметрам. Исследование этой части речи дополнительно осложняется проблемой отграничения послелогов от существительных, глагольных превербов, а также отчасти от наречий и союзов.

В данной работе представлены предварительные результаты изучения морфологии и синтаксиса послелогов гуро. Я постараюсь наметить основные морфологические и синтаксические параметры, позволяющие достаточно полно описать послелог как часть речи в этом языке. Однако не по всем послелогам и параметрам их описания в моих данных имеется исчерпывающий материал.

Ниже будут рассмотрены основные типы синтаксических контекстов употребления послелогов и омонимичных им локативных имен, наречий и превербов, а также морфология послелогов в каждом контексте. Не всегда до конца понятно, следует ли считать представленные в том или ином контексте единицы послелогом, локативным именем, наречием или превербом. Поэтому описание построено в направлении от исчисления синтаксических позиций к обсуждению вопроса о том, какими частями речи являются единицы с локативным значением, употребляемые в каждом из них.

Предварительно отмечу, что в гуро представлены два основных типа морфонологических преобразований послелогов: 1) тональные преобразования; 2) контракция с предшествующим именем².

С точки зрения **тональных преобразований** послелогов³ можно разделить на **три** группы.

1. Неизменяемые (большинство).

2. Изменяющие тон первого слога (или единственного, если слово односложное) в любом синтаксическом контексте⁴.

У послелогов второго типа регистр тоны (или ее начала в случае контурных тонов) всегда уподобляется регистру тоны (или ее окончания для контурных тонов) предшествующего слова. Так, например, у двусложных послелогов *wī̀d* 'под' и *lḕè* 'у (досл. «в ладони»)» происходит следующее морфонологическое чередование тонов первого слога: *yī̀lī́ wī̀d* 'под деревом', *sā́ wī̀d* 'под одеждой', *sā́ lū́ wī̀d* 'под одеждой'; *lḗ lḕè* 'у ребенка', *bī́ lḕè* 'у человека', *bī̀à lḕè* 'у холостяка'. У односложного послелога *lā́* 'в пространстве' тональное чередование после словоформ, оканчивающихся на высокий и средний тоны, представлено только на уровне аллотонов. Фонологический тон является в обоих этих случаях падающим. После низкого тона падающий тон морфонологически чередуется с низким: *fḗ lā́* [ML] 'там (досл. «в месте вещи»)»;

² К сожалению, я пока не успела проверить возможность редупликации послелогов и омонимичных им локативных имен и превербов, а также присоединение к омонимичным послелогам локативным именам суффикса множественного числа.

³ А также омонимичные им локативные имена и превербы. Описанные ниже тональные преобразования касаются и соответствующих локативных имен и превербов, если не указано иначе.

⁴ В списке в разделе 1.1 такие послелогов снабжены пометой «+тон (необусл.)».

fē fáá l̄á [HL] 'везде (досл. «в месте всех вещей）」, *à l̄á* 'там (досл. «в том месте）」. Аналогичным образом изменяется тон у предметных существительных *l̄ēè* 'ладонь' и *l̄á* 'место', от которых были образованы соответствующие послелогои.

3. Изменяющие тон только в определенных синтаксических контекстах⁵. Это наиболее интересная с морфологической точки зрения группа, в которую входят три послелога, распадающиеся на две подгруппы: 1) локативно-ролевые послелоги *tā/lā* 'на', *bā* 'на'; 2) ролевой послелог *l̄ē* 'для'. Более подробно тональные изменения этих послелогов, а также локативных имен и превербов, омонимичных послелогам первой подгруппы, будут рассмотрены в разделах, посвященных конкретным синтаксическим контекстам.

С точки зрения **способности к контракции** послелоги подразделяются на две группы.

1. Неизменяемые (большинство).

2. Способные вступать в контракцию с предшествующим именем в составе послеложной группы (ПГ)⁶: послелоги *tā/lā* 'на', *jì* 'в', *jí* 'в', *và* 'в', *y'*.

Наличие или отсутствие возможности контракции с тем или иным послелогом (послелогоми) лексически задано в морфотактических свойствах каждого имени. Как правило, контрактные формы образуются из наиболее частотных, идиоматизированных сочетаний имен с послелогом. При этом контрактные формы, по-видимому, всегда синхронически разложимы на сочетание имени и неконтактной формы послелога. При контракции послелоги теряют первый согласный. Тон на гласном послелога и последнем гласном имени может подвергаться незначительным модификациям (контурные тоны становятся регистровыми: R→H, F→L). На гласный послелога также распространяется назализация, если он присоединяется к назальному гласному. Например: *zī tā/lā* → *zīā* 'на дороге', *yí vā* → *yíá* 'в воде', *wī jì* → *wīí* 'на макушке, на вершине («в волосах）」, *s̄v̄l̄v̄ jì* → *s̄v̄l̄v̄ì* 'в углу'.

1. Синтаксические контексты употребления послелогов и омонимичных им локативных имен, наречий и превербов

1.1. Позиция после глагола или экзистенциальной связки

Употребление в качестве вершины ПГ, выполняющей функцию косвенного дополнения или сирконстанта, в постглагольной позиции является прототипическим для послелогов в гуро и других южных манде. Т. Никитина отмечает, что прототипическая послеложная группа может относиться не только к финитному глаголу, но и к любой другой глагольной форме в предложении, не обязательно непосредственно примыкая к ней [1].

Послелоги, оформляющие косвенное дополнение и таким образом входящие в управление глагола, обычно называют «ролевыми» или «функциональными», а послелоги, оформляющие сирконстанты, — «локативными» (локализующими ситуацию во времени и/или в пространстве) [2; 1]. Существуют также локативно-ролевые послелоги, которые способны выполнять обе эти функции, например:

⁵ В списке послелогов снабжены пометой «+тон (обусл.)».

⁶ В списке послелогов снабжены пометой «+КОНТР».

- (1) *i* *p5ó* *jē* *ā* *lḡ* *bē* *bā*
 2SG. IMP татуировка убивать 1SG. NSBJ ребенок рука на
 ‘Сделай татуировку на руке моего ребёнка.’
- (2) *bī* *lū à* *bāā* *wv-lā* *à* *bā*
 человек PL COP. EXST зависть носить-PRGR 3SG. NSBJ
 ‘Люди ему завидуют.’

Ниже приведен инвентарь несомненных (ядерных) послелогов гуро, т. е. таких единиц, которые способны выступать в указанной синтаксической функции вершины ПП. Семантика послелогов подробно не описывается, приводятся только базовые значения. Отметим здесь только, что локативные послелоговы выражают как локативные значения (нахождения где-либо), так и лативные (движения куда-либо и откуда-либо). При каждом послелогое отмечаются особенности его тональной морфологии и способности к контракции (см. выше).

Послелоговы языка гуру

ролевые

lē ‘для’ (маркер бенефицианта); +ТОН (обусл.);

uā ‘с’ (маркер комитатива);

zū ‘как’ (маркер компаратива);

локативно-ролевые

tā/lā ‘на (на плоской верхней поверхности объемного объекта); над’; +ТОН (обусл.); +КОНТР;

bā ‘на (на внешней поверхности объекта, в том числе вертикально ориентированной); около (в области вокруг объекта)’; +ТОН (обусл.);

jī ‘в (толще предмета, в однородной среде, образуемой предметом)’; +КОНТР;

jī ‘в (замкнутой полости, ограниченной предметом)’; +КОНТР;

vā ‘в (жидкости, сыпучем веществе); к, у (в направлении объекта)’; +КОНТР;

lēē ‘у (обладание)’; +ТОН (необусл.);

wīō ‘под, в нижней части’; +ТОН (необусл.);

zīō ‘за, в задней части, вслед за’;

локативные

lē ‘перед (в передней части объекта); до (предшествование во времени)’;

lēē ‘в (отверстии)’;

lā ‘в (внутри определенного пространства или интервала времени)’; +ТОН (необусл.);

zī ‘с другой стороны; вокруг’;

bēlēlā/bēlēlā ‘в середине (в центре), среди’;

wvlvlā/wvlvlā ‘в середине (отрезка или интервала времени), между’;

sālā ‘сбоку от’.

Специфическая морфология послелоговы в позиции 1.1 (постглагольной): в данном контексте послелоговы *tā/lā*, *bā*, *lē* меняют тон на низкий после имен, окан-

чивающихся на низкую или падающую тонему. Вариант с сохранением лексического среднего тона также возможен, но значительно менее частотен, см. (2), а также следующие примеры:

- (3) *fē* *à* *q̄* *le* *bòò* *là/lā*
 вещь COP.EXST 1SG.NSBJ POSS чердак на
 ‘Вещь лежит на моем чердаке.’
- (4) *bè* *kɔ̄* *dɔ̄* *i* *bò* *lè*
 2SG.SBJ-ART дом строить.PRF 2SG.RFL сам для
 ‘Ты построил дом для самого себя.’

В некоторых идиоматических сочетаниях по крайней мере послелогои *tā/lā* и *bq̄* всегда имеют низкий тон после среднего или низкого тона. Мне известны сочетания *yī/yí là* (вар. *yālà*) и *yī bɔ̄*, оба со значением ‘раньше, в прошлом; на днях’ (досл. «день-на»), где средний тон на послелогое невозможен.

1.2. Изолированное употребление после глагола (позиция наречия)

По-видимому, если бы омонимичные послелогам словоформы появлялись в подобной позиции, их следовало бы считать наречиями, т.е. другими частями речи и особыми лексемами. Систематической проверки всех послелогов я еще не проводила, однако имеющиеся данные позволяют утверждать, что даже для чисто локативных послелогов невозможно изолированное употребление в постглагольной позиции⁷. Единственным исключением, по-видимому, является *lé* во временном значении в том случае, если он в совокупности с союзом *yē* ‘потом, после’ передает значение предшествования одного действия во времени другому. Например:

- (5) *i* *fē* *bīlī* *lé*, *yē* *i* *gō*
 2SG.IMP вещь есть до потом 2SG.IMP уходить
 ‘Поешь перед тем как уходить’ (досл. «Вначале поешь, потом уходи»).

Однако, очевидно, в этом случае целесообразно постулировать особый составной союз *lé yē* ‘до того как’, поскольку вне связи предикаций изолированное употребление *lé* невозможно. Например, невозможно **i fē bīlī lé* ‘вначале поешь’. В соответствующей грамматически верной фразе перед *lé* будет употреблено несубъектное местоимение 3SG *à*.

1.3. Позиция подлежащего (позиция имени)

В позиции подлежащего употребляются омонимичные послелогам лексемы, которые, возможно, следует считать особой частью речи — локативными именами. Наиболее характерный для таких имен контекст — позиция подлежащего перед экзистенциальной связкой в неглагольных высказываниях (прежде всего качественных, экзистенциальных, презентативных). В качественном контексте употребля-

⁷ В языке бен наречное употребление послелогов также невозможно, см. [3, табл. 4].

ются имена, соответствующие всем локативным и локативно-ролевым послелогам, например:

- (6) *kɔ́ wílyù* (вар. *kóólù*) *jì* (или: *yí vâ*) *à* *tĩ*
 дом стена в (вода в) COP.EXST темный
 ‘В стене дома / в воде темно.’
- (7) *kɔ́ jì* (или: *lěé* /*wúò* /*zūò* /*zì* /*sɔ́lɔ́*) *à* *fíú*
 дом в (в отверстии /под /за /вокруг /около) COP.EXST светлый
 ‘В доме/у входа в дом/под скатом крыши дома/за домом/вокруг дома/около дома светло.’
- (8) *fē sɔ́lɔ́* *à*
 вещь сбоку COP.EXST
 ‘{Пространство} сбоку от вещи существует.’
- (9) *bē-è* *bà* *lè?*
 что-Q.INT на COP.PRES
 ‘Для чего?/Почему? (досл. «На чем вот?»).’

Подобные неглагольные контексты являются крайне специфическими. В других языках качественных контекст также допускает сочетания с предлогами (например, в русском) и послелогами (например, в финно-угорских языках), невозможные в прочих именных контекстах. Едва ли на этом основании можно считать, что, например, в русском языке имеются имена, омонимичные предлогам. Поэтому качественный контекст с типологической точки зрения не является стопроцентно диагностическим для имени. Экзистенциальный контекст в этом смысле может быть более показателен (см. пример (8)), но, к сожалению, я не проводила систематической проверки всех послелогов на возможность употребления в этой позиции.

Отметим, что ряд омонимичных послелогов лексем даже в качественном контексте получает в первую очередь не локативное, а предметное толкование. Такие лексем могут также употребляться и в других именных контекстах, например перед переходным глаголом. Такой контекст является прототипическим и стопроцентно диагностическим для имени. Систематическую проверку всех локативных имен на возможность употребления перед переходным глаголом также еще предстоит провести. Можно указать, что в таком контексте может употребляться, по крайней мере, *lé* в нелокативных значениях ‘1. гениталии; 2. острота, эффективность’. Отмечу, что говорящий, породивший пример (10), отчетливо ощущал семантическую связь значений этих толкований с исходным локативным значением ‘перед’:

- (10) *sēlé* *lé* *à* *kēlé,*
 нож острота 3SG.NSBJ делать.PRF
yē è *à* *bɔ́i*
 потом 3SG.SBJ 3SG.NSBJ резать.PRF
 ‘Поскольку нож был острым, он {нож} это разрезал.’

Контекст перед непереходными глаголами является более типичным для омонимичных послелогов локативных имен. В первую очередь здесь идет речь о глаго-

лах состояния, см. (31), (33), (39), (40). Более подробно такой контекст обсуждается в разделе 1.5 в связи с проблемой разграничения локативных имен, послелогов и превербов. Там же более подробно говорится и о позиции прямого дополнения перед переходным глаголом.

Отметим, что изолированное употребление локативных имен в позиции подлежащего невозможно. Локативные имена являются относительными (см. раздел 1.4) и вне именной группы (ИГ) в такой позиции не употребляются.

Специфическая морфология омонимичных послелогам локативных имен в позиции 1.3: локативное имя *tā/lā* в позиции подлежащего изменяет тон на низкий после словоформы, оканчивающейся на низкий тон, и на высокий — после словоформы, оканчивающейся на высокий тон, например:

- (11) *tábélê* *tà* /*lób* *tá* /*s* *tā* *à* *fúú*
 стол на /губа на /ткань на COP.EXST светлый
 ‘Поверхность стола / Губа / Ткань белая.’

Вариант со средним тоном при этом может альтернативно употребляться во всех тональных контекстах, однако после низкого и высокого тона средний тон менее частотен. По-видимому, локативное имя *bā* ведет себя в данном контексте аналогично, см. (9), однако здесь требуется привлечение дополнительных данных.

1.4. Позиция вершины вложенной ИГ (позиция имени и инфинитива)

Именная синтагма так называемого генитивного типа в гуру строится так же, как и в других языках манде: вершина занимает крайнюю правую позицию, а атрибуты располагаются слева от нее. В качестве атрибутов могут выступать именная группа: *gòlò bī* ‘человек из народа гуру’, послеложная группа: *bē bā zēlē* ‘кольцо на руке’, группа с инфинитивом («левосторонняя» стратегия релятивизации, см. раздел 2): *yōv fē* ‘спрятанная вещь’. Т. Никитина оспаривает положение о том, что послеложная группа в языке уан, близкородственном гуру, может занимать позицию атрибута имени. На основании того, что в данной позиции не употребляются ролевые послелог, не имеющие омонимичных локативных имен, она утверждает, что в уан лексемы в этой позиции следует считать локативными именами, а не послелогам.

В гуру же в данной позиции возможен чисто ролевой послелог *lē* ‘для’, не имеющий омонимичного имени: *bī lē fē* ‘вещь для человека’. Также, по-видимому, в ИГ возможен компаративный послелог *zù* (хотя данные от разных информантов на этот счет несколько расходятся):

- (12) *á* *zù* *bī* *yē*
 1SG.IPRF-1SG.RFL как человек видеть.IPRF
 ‘Я вижу такого же человека, как я сам.’

По-видимому, чаще в именной синтагме вместо послелога *zù* употребляется однокоренное имя *zùè* ‘тип’: *kú zùè fē* ‘вещь такая, как дом (досл. «вещь типа дома»)’.

- (18) *bī bā s̄* ‘одежда для человека (предназначенная для того, чтобы быть на человеке)’ — *bī bā s̄* ‘тип ношеной одежды (досл. «тип одежды, которая была на человеке)» — *bī bā s̄* ‘тип одежды, предназначенной для человека’ — **bī bā s̄*,⁹ **bī bā s̄*;
- (19) *yī tā ḡl̄v* ‘машина на поверхности воды’ — *yī tā ḡl̄v* ‘корабль, пирога (досл. «машина для того, чтобы быть на воде»);
- (20) *ḡl̄v tā f̄* ‘вещь, лежащая сверху на машине (на крыше, капоте, багажнике)’ — *ḡl̄v tā* (/ta*) *f̄* ‘запах от машины (досл. «запах на машине»);
- (21) *s̄v̄ tā f̄* ‘вещь, лежащая на велосипеде (на раме, багажнике)’ — *s̄v̄ tā bī* ‘человек {едущий} на велосипеде’;

Примеры на глаголы

- (22) *ȳv̄ f̄* ‘спрятанная вещь’ — *ȳv̄ f̄* ‘вещь, предназначенная для того, чтобы ее прятать’ — *ȳv̄ f̄* ‘тип спрятанной вещи’ — **ȳv̄ f̄*;
- (23) *b̄ālá f̄* ‘вещь, с которой обычно выходят (например, сумка)’ — *b̄ālá f̄* ‘вещь на выброс (например, старая мебель) (досл. «вещь, предназначенная для того, чтобы ей выйти»)’.

Из примеров (15), (18), (22) видно, что тональному изменению могут подвергаться не только вершины вложенных именных и послеложных групп, но и вершина главной ИГ. При этом вершины вложенных ИГ без атрибутов, т.е. изолированные имена, тон менять не могут, см., например, запрет на изменение тона существительного *bī* в (18). Однако вершина главной ИГ, по-видимому, может подвергаться тональному изменению, даже не имея атрибутов (хотя это и крайне редкий случай), ср.:

- (24) *ǎ* *bī* *yē*
 1SG.IPRF человек видеть.IPRF
 ‘Я могу видеть представителей человеческой расы’¹⁰.

Примеры (22) и (23) показывают: отличие глагольных инфинитивов от имен и послелогов в том, что в позиции вершины вложенной ИГ первые могут изменять тон даже при отсутствии зависимых от них атрибутов¹¹.

Нелегко определить универсальную семантику описываемого тонального изменения. Оно может указывать на наличие по крайней мере следующих семантических сдвигов и их комбинаций:

1) референтное употребление лексемы → нереферентное употребление лексемы, изменяющей тон;

2) неидиоматизированная ИГ → идиоматизированная ИГ (в том числе при изменении тона на послелого на использование послелого не в прямом, а в метафорическом значении);

⁹ Знак «*» означает, что данный вариант был признан информантом некорректным.

¹⁰ Данный пример не является абсолютно надежным подтверждением этого предположения, поскольку местоимение *ǎ* в нем может трактоваться и как контракция имперфективного и рефлексивного местоимения 1SG, ср. аналогичный пример (12). Поэтому здесь необходимо привлечение дополнительных данных.

¹¹ Изолированное употребление послелогов вне ПГ в принципе невозможно.

3) посессивная связь между вершиной и атрибутом (=X принадлежит Y-у) → атрибутивная связь (=X характеризуется Y-м).

Сделаем дополнительные пояснения относительно последнего пункта. В гуру, как и в других южных манде, существительные делятся на два синтаксических класса: относительные (неотчуждаемая принадлежность) и автосемантические (отчуждаемая принадлежность). Относительные имена присоединяются к вершине посессивной ИГ в качестве атрибута непосредственно: $\bar{a}$ $z\bar{a}$ 'мой хозяин'. Автосемантические имена связываются с вершиной посредством посессивного маркера: $\{\bar{a}\}$ $z\bar{a}$ $l\bar{e}$ $l\bar{i}$ 'жена {моего} хозяина'. В принципе, связку $l\bar{e}$ тоже можно было бы считать ролевым послелогом, поскольку в именной синтагме ее функция и синтаксическая позиция аналогичны позиции и функции послелога. Ср., например, синтагмы со связкой $l\bar{e}$ с ролевым послелогом $l\bar{e}$ 'для': $\{\bar{a}\}$ $z\bar{a}$ $l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'вещь {моего} хозяина' — $\{\bar{a}\}$ $z\bar{a}$ $l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'вещь для {моего} хозяина'. Однако маркер $l\bar{e}$ не употребляется в прототипической для послелогов постглагольной позиции, поэтому, возможно, его следует считать особой частью речи.

Из примеров (15) и (16) видно, что прототипически автосемантические имена $f\bar{e}$ 'вещь' и $l\bar{i}$ 'женщина' могут в определенных случаях употребляться в качестве вершины ИГ и без посессивного маркера. Отсутствие маркера свидетельствует о том, что семантическая связь между вершиной и атрибутом является не посессивной, а атрибутивной. В случае атрибутивной связи синтаксическое различие между относительными и автосемантическими именами стирается, поскольку связка $l\bar{e}$ не употребляется вообще. Все имена начинают вести себя как относительные.

В примере (16) отсутствие показателя $l\bar{e}$, указывающее на атрибутивную связь, сопровождается изменением тона вершины ИГ. Тональное изменение как маркер атрибутивной связи между вершиной и атрибутом ИГ в целом характерно для имен. При этом в таких случаях вершина ИГ может быть как референтной, так и нереферентной.

В примере (15) представлен более широкий набор случаев, показывающих разные варианты сочетания значений вышеуказанных трех факторов тонального сдвига. В таблице именные синтагмы из этого примера проанализированы с точки зрения референтности вершины и атрибута, типа связи между атрибутом и вершиной, а также идиоматичности ИГ.

	$l\bar{e}$ $l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'вещь {конкретного} ребенка'	$l\bar{e}$ $l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'тип вещей {конкретного} ребенка'	$l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'плацента, родовые воды'	$l\bar{e}$ $f\bar{e}$ 'детские вещи' (досл. «тип вещей для ребенка»)
REF (вершина)	+	—	+	—
REF (атрибут)	+	+	—	—
POSS (тип связи)	+	+	—	—
IDIOM	—	—	+	+

Примечания: REF — имя является референтным; POSS — связь между вершиной и атрибутом ИГ является посессивной; IDIOM — именная группа идиоматизирована.

Не рассматривая далее подробно чисто именные синтагмы (см. также: [4, с. 62–63]), обратимся к примерам (17–21), представляющим послеложные группы. При-

менительно к послелогам самим по себе невозможно говорить о референтном/нереферентном употреблении в том же значении, как в случае имен. Однако семантический сдвиг в послеложных группах, на который указывает тональное изменение послелога, имеет сходную природу: «кольцо на руке» → «кольцо такого типа, как на руке; кольцо для того, чтобы быть на руке» (17), (19). Сам именной атрибут во второй ПГ при этом может быть как референтным, так и нереферентным, т. е. она может пониматься и как «кольцо такого типа, как на этой конкретной руке», и как «кольцо наручного типа».

Референтным сдвигом можно также объяснить аналогичное тональное изменение на инфинитивных атрибутах в именных синтагмах: «вещь, относящаяся к конкретному процессу прятания» → «вещь для любого прятания» (19), (20).

Большое значение для наличия/отсутствия тонального сдвига на послелогах *tā* и *bā* в именной синтагме имеет также фактор идиоматичности их употребления. В примерах (22) и (23) тональное изменение на послелоге *tā* отсутствует, если он употреблен в своем основном значении 'на плоской верхней поверхности объемного предмета'. При этом тональное изменение появляется при переносном расширенном употреблении послелога: 'запах от машины (досл. «на машине）」, 'едуший на велосипеде'. В переносном значении предлоги *tā* и *bā*, по-видимому, практически всегда изменяют тон в именной синтагме, и это не зависит от референтного статуса ПГ.

1.5. *Позиция перед глаголом (позиция имени и преверба)*

Позиция перед переходным глаголом в гуру — это прототипическая позиция прямого дополнения, помещаемого между подлежащим и глаголом. Но и в этой позиции могут встречаться лексемы, омонимичные послелогам. В. Ф. Выдрин предлагает считать их не локативными существительными и не послелогам, а особыми полуавтономными морфемами — превербами [5; 6]. Однако проблема определения функционального статуса превербов еще далека от своего окончательного разрешения. Как отмечает В. Ф. Выдрин относительно превербов в дан-гуэта, «набор элементов, способных разделять преверб и глагольную основу, оказывается весьма внушительным» [6, с. 77]. Данное утверждение, по-видимому, применимо и к гуру (см. также: [7, с. 169]), хотя систематическое исследование таких элементов еще предстоит осуществить. Приведем в пример немаркированную конструкцию с превербом и ее фокализованные варианты, где в одном случае фокусируется только прямое дополнение, а в другом — ИГ с превербом (примеры записаны О. В. Кузнецовой):

- (25) *bī* *bēlē* *lé* *bē*
 человек собака перед ждать.PRF
 'Человек подождал собаку.'
- (26) *bēlē* *lē* *bī* *à* *lé* *bē*
 собака FOC человек 3SG.NSBJ перед ждать.PRF
 'Человек подождал именно _собаку_.'
- (27) *bēlē* *lé* *lē* *bī* *à* *bē*
 собака перед FOC человек 3SG.NSBJ ждать.PRF
 'Человек именно _подождал собаку_.'

В поддержку утверждения Выдрина о семантической интегрированности преверба в глагол, отметим, что несмотря на то что в примере (27) фокализованная синтагма выглядит как ПГ или ИГ, сфера действия фокализации распространяется и на само действие, а не только на его объект. Ключевым критерием идентификации превербов в дан-гуэта Выдрин считает семантическую «сферу действия присоединяемых ими детерминантов и прилагательных» [6, с. 80]. Если значение детерминатива ‘маленький’ или ‘новый’ модифицирует значение не преверба, а выражаемого глаголом действия (т. е. трактуется как ‘слегка сделать’, ‘снова сделать’ и т. д.), идентичность преверба считается доказанной. В этой работе, однако, нигде не идет речи о том, имеются ли случаи, когда значение детерминатива модифицировало бы значение не глагола, а только преверба, и каким тогда образом следовало бы их трактовать. Если такие случаи будут найдены, это поставит под сомнение статус преверба как полуавтономной морфемы и, возможно, единицу придется все же считать послелогом или локативным именем.

К сожалению, возможность присоединения детерминативов к превербам и их семантика в гуэо еще не изучались. Однако в гуэо были обнаружены некоторые другие любопытные факты, не отмеченные в [6] на материале языка дан-гуэта. Эти факты будут рассмотрены ниже, после описания тональной морфологии омонимичных послелогам лексем в данном контексте.

Специфическая морфология превербов / локативных имен / послелогов в позиции 1.5: лексемы $t\bar{a}/l\bar{a}$ и $b\bar{a}$ в предглагольной позиции преверба / прямого дополнения, по-видимому, всегда имеют нисходящий тон после высокого тона и низкий после низкого: НМ $t\bar{a}/l\bar{a}$, $b\acute{a}$; L $t\grave{a}/l\grave{a}$, $b\grave{a}$. Например:

(28) $\bar{a}$ $\grave{a}$ $b\bar{i}$ $b\acute{a}$ $c\bar{i}\bar{q}\bar{a}-l\acute{a}$
 1SG.SBJ COP.EXST человек на чесать-PRGR
 ‘Я чешу человека.’

(29) $\bar{a}$ $l\bar{a}$ $\grave{a}$ $\bar{a}$ $l\acute{e}$
 1SG.NSBJ жена COP.EXST 1SG.NSBJ ребенок
 $t\bar{i}l\bar{i}5-l\acute{a}$ [= $t\bar{i}a$ $d\bar{i}5-l\acute{a}$] $l\bar{i}a$ $y\bar{i}$ $y\bar{q}$
 на ставить-PRGR лекарство вода с
 ‘Моя жена промывает {желудок} моему ребенку лекарственным раствором.’

В примере (29) тесная связь преверба с глаголом проявляется в начавшемся процессе «стопизации» [7; 8; 3], т. е. фонетической и фонологической интеграции сочетания преверба и глагольного корня в единую стопу при стяжении их в одну морфему.

Отметим, что морфология превербов во многом аналогична рассмотренной выше морфологии послелогов в качестве вершины вложенной ПГ. Постоянное наличие в данном случае нисходящего/низкого тона можно объяснить в первую очередь высокой степенью идиоматизации значения преверба.

Рассмотрим теперь проблематичный с точки зрения разграничения превербов, локативных имен и послелогов случай. Ниже представлены различные грамматические контексты употребления глагола $y\bar{a}\bar{a}$ ‘1. (неперех.) болеть, причинять боль; 2. (перех.) утомлять.’

- (30) *bī* *pāwōlō* *é* *yā-ǵ*
 человек ляжка COP.IPRF болеть-IPRF
 ‘У человека болит ляжка.’
- (31) *ǵ* *jì* *à* *yāā-lǵ* *ǵ* *bǵ*
 1SG.SBJ нутро COP.EXST болеть-PRGR 1SG.NSBJ на
 ‘Мое нутро причиняет мне боль.’
- (32) *táá* *wê-lī* *é* *bī* *wēē* [=wēlē *jì*] *yā-ǵ*
 ходьба носить-NMLZ COP.IPRF человек кость в утомлять-IPRF
 ‘Ходьба утомляет тело человека.’
- (33a) *ǵ* *bǵ* /*tá* *é* *yā-ǵ*
 1SG.NSBJ на /на COP.IPRF болеть-IPRF
 ‘Я болен.’
- (33b) *ī* *bǵ* *à* *yāā-lǵ*
 2SG.NSBJ на COP.EXST болеть-PRGR
 ‘Ты болен.’
- (34) *à* *yàà-lī* *sí*
 SG.NSBJ болеть-NMLZ уходить.PRF
 ‘Его боль прекратилась.’
- (35) *bē* *zvē* *bǵ* *yàà-lī*
 этот тип на болеть-NMLZ
 ‘Такая манера быть больным.’

В (30) представлено непереходное употребление глагола, а в (31) — дитранзитивное, при котором косвенное дополнение (экспериенцер) оформлено послелогом *bǵ*. Вершина группы подлежащего при этом выражена локативным существительным *jì*, омонимичным послелогу. В (32) *jì* оказывается в препозиции к глаголу. Возникает вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с превербом, послелогом или локативным существительным. В отличие от (29), в данном случае *jì* обнаруживает морфологическую и семантическую связанность с предшествующим существительным, а не с последующим глаголом. Сочетание *wēlē jì* обладает идиоматизированным значением ‘тело’, и *jì* в нем подвергается контракции, описанной во введении. Отдельную проблему составляет вопрос о том, следует ли считать *jì* в данном случае послелогом или локативным именем, однако в любом случае его едва ли можно считать превербом. Таким образом оказывается, что предглагольную позицию прямого дополнения все же может занимать именная группа с локативным именем или послеложная группа.

В примере (33) экспериенцер из группы подлежащего оформляется с помощью *bǵ*, т.е. так же, как и экспериенцер из группы косвенного дополнения в примере (31) (как вариант может использоваться также *tá*). Мои данные по тональной морфологии *bǵ* и *tá* в позиции подлежащего требуют дополнительной проверки, поскольку от одного информанта были записаны варианты с падающим тоном (33a), а от другого — со средним (33b). Достоверная морфонологическая информация в данном

2) является ли единица с локативным значением в (38) иной частью речи по сравнению с *b̄q̄* из (35)?

Отметим, что тип номинализации, представленный в (35) и (38), при котором локативная единица является атрибутом отглагольного имени, допустим далеко не во всех случаях. По-видимому, возможность такой номинализации во многом обусловлена именно высокой степенью идиоматичности сочетания и метафоричности его значения. Например, информант признал невозможной номинализацию комбинации глагола с превербом, представленной в примерах (25–27) (т. е. *{*b̄ē z̄vè*} *lé b̄ē-lī* ‘этот тип ожидания’), на основании того, что глагол *b̄ē* может употребляться и без *lé* в том же самом значении ‘ждать’. И наоборот, оказались возможными следующие номинализации с непереходными (39–40, как в 35) и переходными (41, как в 38) глаголами:

(39) *b̄ē z̄vè jī s̄q̄q̄-lī* (ср. *q̄ jī à s̄q̄q̄-l̄q̄*)
 этот тип нутро теряться-NMLZ (1SG.NSBJ нутро COP.EXST теряться-PRGR)
 ‘Этот тип забывания’ (ср. ‘Я забываю’).

(40) *q̄ s̄iāá jī l̄q̄l̄q̄-lī ȳq̄*
 1SG.SBJ кричать.PRF нутро соглашаться-NMLZ с
 (ср. *q̄ jī é l̄q̄l̄q̄-q̄*)
 (1SG.NSBJ нутро COP.IPRF соглашаться-IPRF)
 ‘Я крикнул от радости’ (ср. ‘Я радуюсь’).

(41) *b̄ē z̄vè tā b̄ilī-lī* (ср. *é é b̄l̄ tā b̄elē*)
 этот тип на есть-NMLZ (3SG.SBJ COP.IPRF человек на есть)
 ‘Эта манера злоупотребления’ (ср. ‘Он злоупотребляет людьми’).

Интересный пример представляет собой номинализация в (42a), где лексема с локативным значением является атрибутом не отглагольного имени непосредственно, а его именного атрибута, с которым глагол также составляет идиому: *w̄v̄* ‘носить’ > *b̄q̄ w̄v̄* ‘платить (досл. «плата-носить»)» > *jī b̄q̄ w̄v̄* ‘выкупать (досл. «в-плата-носить»)».

(42a) *b̄ē z̄vè jī b̄q̄ w̄v̄-lī* (ср. *q̄ à jī b̄q̄ w̄v̄*)
 этот тип в плата носить-NMLZ (1SG.SBJ 3.SG.NSBJ в плата носить.PRF)
 ‘Этот тип выкупа’ (ср. ‘Я это выкупил’).

Ср. также (пример О. В. Кузнецовой):

(42b) *è à s̄ v̄q̄q̄ b̄q̄ w̄v̄*
 3SG.SBJ ART ткань долг плата носить.PRF
 ‘Он выплатил кредит за ткань’.

В данном случае *jī* может трактоваться как преверб (а не локативное имя) только в том случае, если мы будем считать, что *b̄q̄ w̄v̄* — это не идиоматизированное сочетание, а одна лексема.

Критерии разграничения провербов, локативных имен и послелогов в гуру (особенно первых двух классов) пока окончательно не ясны. Я наметила здесь только некоторые проблемы в этой области, не затронутые в предшествующих исследованиях по южным манде.

2. Послелого в относительных предложениях

В гуру, как и в других южных манде, существует две основных стратегии релятивизации: «правосторонняя (по модели адъективного определения) и левосторонняя (по модели субстантивного определения в генитивной синтагме)» [10, с. 2]. При правосторонней релятивизации релятивная клауза (РК) помечается справа от релятивируемой именной группы (РИ). Как и, например, в языке муан, в гуру имеется две стратегии правосторонней релятивизации: «типа бамбара» (где РИ является грамматическим членом РК) и «типа дан» (где РИ является внешним по отношению к РК элементом, будучи грамматическим членом главного предложения) [10; 11].

РИ помечается специальным маркером релятивизации. При выборе стратегии «типа дан» употребляется маркер *lē* (как правило, сопровождающийся замыкающим РК местоименным наречием *bé* ‘здесь’, фактически выполняющем, как и в дан, функцию артикля). При такой стратегии РК всегда непосредственно следует за РИ, т. е. РК оказывается вложена в главное предложение. По-видимому, данная стратегия всегда используется в тех случаях, когда РИ в главном предложении выполняет роль косвенного дополнения, т. е. входит в ИГ с послелогом, как в (43).

- (43) *ká g̃ yíá ḳ [lē wò à ḍ é*
 2Pl.IMP уходить спать дом REL 3Pl. SBJ 3SG.NSBJ ставить.PRF PREP
ḍēl̄] b̄, à j̄
 новый ART 3SG.NSBJ в
 ‘Идите спать в доме, который они только что построили.’

- (44) *kālā [lē ā búlù yí à j̄],*
 миска REL 1SG.SBJ хлеб видеть.PRF 3SG.NSBJ в
à t̄l̄ à
 3SG.NSBJ грязь COP.EXST
 ‘Миска, в которой я увидел хлеб, грязная.’

Если же используется стратегия «типа бамбара», то при РИ употребляется маркер *â*. В этом случае РК всегда предшествует главному предложению и в каждой клаузе сохраняется естественный порядок слов.

- (45) *[â búlù yí kālā â j̄], à t̄l̄ à*
 1SG.SBJ хлеб видеть.PRF миска REL в 3SG.NSBJ грязь COP.EXST
 ‘Миска, в которой я увидел хлеб, грязная.’

- (46) *[â búlù â yí kālā j̄], à t̄l̄ à*
 1SG.SBJ хлеб REL видеть.PRF миска в 3SG.NSBJ грязь COP.EXST
 ‘Хлеб, который я увидел в миске, грязный.’

- (47) [dè bī ġ, è ká dā-lē lō],
 если человек REL 3SG.SBJ NEG приходит-SUP NEG
 è ká tǎlǎ yé lō
 3SG.SBJ NEG выгода видеть.NEG NEG
 ‘Тот, кто не придет, ничего не получит.’

При использовании правосторонних стратегий релятивизации послелогои не претерпевают заметных синтаксических и морфологических трансформаций. ИГ с послелогоми сохраняют свою постглагольную позицию и морфонологический облик как в главном предложении (43), так и в РК (44–46). Из примера (45) видно, что маркер релятивизации ġ может занимать позицию между именем и послелогом в ИГ.

Что касается стратегии левосторонней релятивизации, то проблема тональной морфологии послелогов в РК такого типа была затронута в разделе 1.4, см. (22–23). О синтаксисе послелогов скажу лишь, что их позиция по отношению к глагольному инфинитиву в подобной РК отличается от положения преверб и локативного имени. И преверб, и локативное имя в позиции прямого дополнения занимают предглагольную позицию, и в этом смысле в РК генитивного типа они синтаксически неразличимы. Послелог же занимает постглагольную позицию. Ср. пример (48), содержащий преверб, и пример (49) с послелогом:

- (48) [lū lā pá zǎ]
 трава на класть.вовнутрь хозяин
 ‘Охотник.’
- (49) [à yà tǎ fē zvè] à
 3SG.NSBJ спать на вещь жесткость COP.EXST
 ‘Его постель жесткая.’

3. Фокализация послеложных групп

При фокализации ПГ выносится в крайнюю левую позицию и снабжается маркером фокализации lē (который может факультативно опускаться):

- (50) [kǎ-lī wī jǐ lē] ġ dǎ
 наесться-NMLZ дело в FOC 1SG.SBJ приходит.PRF
 ‘Я пришел именно чтобы наесться.’

Некоторые фокализованные ПГ фактически выполняют функцию союзов, связывающих две предикации:

- (51) wī dō ġ tǎlǎ, [à wī (=wī jī) lē]
 дело один 1SG.NSBJ мешать.PRF 3SG.NSBJ дело в FOC
 ġ ká dā-lē lō
 1SG.SBJ NEG приходит-SUP NEG
 ‘Меня задержало одно дело, поэтому я не пришел.’

(52)	<i>ǎ</i>	<i>ká</i>	<i>wí</i>	<i>jǐ</i>	<i>dà</i>	<i>lō,</i>	<i>[à</i>	<i>ǎ</i>	<i>lè]</i>
	1SG.SBJ	NEG	дело	в	знать.NEG	NEG	3SG.NSBJ	на	FOC
	<i>è</i>	<i>ǎ</i>	<i>tá</i>	<i>bìlì</i>					
	3SG.SBJ	1SG.NSBJ	на	есть					

‘Я ничего не понимал в этом деле, поэтому он мной злоупотребил.’

Заключение

Классы послелогов, аналогичные послелогам гуру, имеются во всех южных языках манде. Хорошо известна их способность к контракции с именами [5]. Однако вопросы тональной морфологии послелогов, по-видимому, ранее не обсуждались на материале этих языков. Между тем, как выяснилось в ходе настоящего исследования, многие послелогии в гуру обладают нетривиальными, не уступающими по сложности именам морфонологическими тональными чередованиями. Наличие или отсутствие таких чередований и их конкретный вид обусловлены не только чисто фонетическим и фонологическим контекстом, но и тонкостями семантики как самих послелогов, так и целых послеложных групп. Тональные чередования оказываются связаны с факторами референтности, идиоматичности, наличия посессивной vs. атрибутивной связи в синтагме.

Известна также проблема критериев разграничения послелогов, локативных имен и превербов в языках манде [5; 6; 12]. В данной работе были намечены некоторые новые направления исследования этой проблематики, в частности на материале глагольной номинализации, а также релятивизации именных и послеложных групп.

Список сокращений

ART	— артикль
COP	— связка
EXST	— экзистенциальная {связка}
F	— падающий тон
FOC	— фокализатор
H	— высокий тон
IMP	— императив
IPRF	— имперфектив
L	— низкий тон
M	— средний тон
NEG	— отрицание
NMLZ	— номинализатор
NSBJ	— несубъектное {местоимение}
PL	— множественное число
POSS	— посессивный показатель
PREP	— предлог
PRF	— перфектив
PRGR	— прогрессив
Q.INT	— интонация вопроса
R	— восходящий тон
REL	— релятивизатор
RFL	— рефлексив
SBJ	— субъектное {местоимение}
SG	— единственное число
SUP	— супин

Литература

1. *Nikitina T.* The syntax of postpositional phrases in Wan, an SOVX language // *Studies in Language*. Vol. 33. 2009. P. 910–933.
2. *Никитина Т. В.* Послелогии языка уан: краткий обзор // Выдрин В. Ф., Желтов А. Ю. (ред.). Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот-д'Ивуар (к 50-летию Константина Позднякова). СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 106–124.
3. *Паперно Д. А.* Базовый синтаксис языка бен (южные манде). Диплом студ. 5 курса филол. ф-та МГУ. URL: http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/dipl_beng.pdf (дата обращения: 21.01.2015).
4. *Кузнецова Н. В.* Функциональный статус стопы в языке гуро // *Le Monde Mandé*. К 50-летию Валентина Феоодосевича Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 61–93.
5. *Выдрин В. Ф.* Локативные превербы в языках манде // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. СПб., 4–6 сентября 2006. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 36–40.
6. *Выдрин В. Ф.* Превербы в языке дан-гуэта // *Вопросы языкознания*. 2009. Вып. 2. С. 75–84.
7. *Кузнецова О. В.* Глагол в языке гуро: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2013.
8. *Выдрин В. Ф.* Языки манде и теория языков слогового строя // VI-я международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докладов. СПб.: Восточный факультет СПбГУ. С. 45–53.
9. *Kuznetsova N.* Le statut fonctionnel du pied phonologique en gouro // *Mandenkan*. Vol. 43. 2007. P. 13–45.
10. *Выдрин В. Ф.* Стратегии релятивизации в языках манде (на примере дан-гуэта и бамана) // *Африканский сборник — 2007* / под ред. В. Ф. Выдрина. СПб.: Наука, 2008. С. 320–330.
11. *Perekhval'skaya E.* Les propositions relatives en mwan // *Mandenkan*. Vol. 43. 2007. P. 47–59.
12. *Vydrin V.* Déclinaison nominale en dan-gwèètaa (groupe mandé-sud, Côte-d'Ivoire) // *Faits de langues*. 2011. N 3. P. 233–258.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Контактная информация

Кузнецова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник;
nkuzn@yandex.ru

Kuznetsova Natalia V. — PhD, research fellow; nkuzn@yandex.ru